

Цзи Ичэнь теперь по-настоящему не хотел тратить на Цзи Фэна ни одного лишнего слова. Он решительно зашагал прочь, но был остановлен догнавшим его Цзи Фэном. Ичэнь приподнял бровь, вскинул своё изящное, бледное личико и звонко спросил:

— Не знаю, что еще нужно нашему главному управляющему Цзи?

Цзи Фэн поджал губы и нахмурился:

— Куда это ты собрался? Неужели ты всерьез намерен дожидаться возвращения Цзи Линьчэня?

Услышав это, Цзи Ичэнь согнул свои красивые глаза-фениксы и, улыбнувшись, кивнул:

— Именно так. Раз уж разыгрывать спектакль, то до конца. Теперь, когда он в опасности, я по всем правилам долга и приличия просто обязан дожидаться его возвращения.

Сказав это, Цзи Ичэнь стер улыбку, холодно взглянул на Цзи Фэна, отстранил его руку и собрался уйти.

Цзи Фэн не сдвинулся с места. Он сам не понимал, почему так отчаянно пытается остановить Ичэня. Ведь поначалу тот казался ему лишь дешевой игрушкой, готовой лечь под любого, а значит, добровольно отказавшейся от мужского достоинства.

Однако после того, как они провели вместе некоторое время, Цзи Фэну стало казаться, что в них есть нечто общее. Может быть, схожие убеждения, или же в глубине души они оба были людьми, которые ни за что не признают поражения, или, быть может, оба они — те, кому не суждено обрести спасение...

Особенно после того, как днем этот маленький человек припер его к стенке вопросом, любит ли он кого-то, Цзи Фэн внезапно осознал, что уделяет Цзи Ичэню слишком много внимания. Это вышло за все мыслимые рамки. Неужели он и правда запал на этого коварного лицемерного мальчишку?

— Главный управляющий Цзи, как говорится, хорошая собака на дороге не лежит. Вы снова что-то задумали?

Цзи Фэн очнулся от своих мыслей и нахмурился еще сильнее. Этот Ичэнь, хоть и обращается к нему на вы, сравнивает его с паршивой собакой! Неужели он совсем его ни во что не ставит?

Цзи Фэн горько усмехнулся про себя. Похоже, он и вправду слишком много о себе возомнил. Как он мог увлечься этой дикой кошкой, сплошь состоящей из колючек? Поняв это, он молча отошел в сторону, пропуская Ичэня, и лишь бросил напоследок:

— Я оставил тебе миску горячей каши в спальне Цзи Линьчэня. Лучше съешь, пока не остыла. Если ты сдохнешь, мне будет трудно объясняться перед хозяином.

Сказав это, Цзи Фэн развернулся и ушел. Цзи Ичэнь лишь проводил его озадаченным взглядом. Он снова и снова слышал от Цзи Фэна это хозяин да хозяин... Неужели тот глубоко

влюблен в Цзи Линьчэня?

От этой мысли Ичэня передернуло. Цзи Фэн точно страдает мазохизмом...

Весь день и до поздней ночи Цзи Ичэнь простоял у ворот военного лагеря. Лишь глубокой ночью он услышал беспорядочные шаги. Он привстал на цыпочки, вглядываясь в темноту, но вокруг стояла непроглядная мгла, и ничего нельзя было разобрать.

Однако Цзи Линьчэнь, сидевший в машине, уже заметил худощавую фигурку, застывшую в теплом желтом свете фонаря у ворот. На измятом, нежном лице застыла нескрываемая тревога. Неужели он волнуется за него? Уголки губ Цзи Линьчэня невольно поползли вверх, а суровое, пропитанное кровью лицо смягчилось. В голове всплыли слова:

Имея такого супруга, о чем еще можно мечтать?

Каким бы отважным воином, талантливым полководцем и твердым как сталь человеком ни был Цзи Линьчэнь, он оставался обычным мужчиной. В глубине души, в самом нежном ее уголке, он всегда жаждал, чтобы его ценили. И этот маленький, ласковый, вечно льнувший к нему человечек был именно тем воплощением счастья, о котором он мечтал.

Теперь Цзи Линьчэнь окончательно понял свое сердце: он был накрепко связан тем красивым именем, которое сам же ему дал, и не хотел сопротивляться. Он хотел лишь утонуть в этих теплых объятиях.

В этот момент машина, намеренно ехавшая без фар, чтобы не выдать себя преследователям, наехала на камень. Корпус резко трянуло. Цзи Линьчэнь невольно охнул, его красивое лицо стало мертвенно-бледным, а пальцы судорожно вцепились в живот. Кровь уже обильно пропитала его военный китель, стекая по пальцам на пол.

— Генерал!!!

А Цзи Ичэнь, стоявший у ворот, лишь согнул глаза-фениксы. В его голове прозвенел сигнал системы: уровень симпатии Цзи Линьчэня достиг 80. Это означало, что Линьчэнь вернулся живым и уже видит его.

Раз уж симпатия достигла 80, сегодня ночью он выложится по полной, чтобы к утру довести показатель до максимума. Сначала нужно выполнить одно задание, а потом, занимаясь борьбой с отбросами, он еще подумает, как изменить предначертанную смерть Линьчэня. Честно говоря, он уже не так сильно хочет, чтобы тот умер...

Когда Цзи Линьчэнь пришел в себя, за окном уже вовсю светило солнце. Тело ныло от невыносимой слабости, и он мог лишь смотреть в белый потолок, боковым зрением замечая капельницу.

Цзи Линьчэнь горько усмехнулся: ишь ты, живучий оказался. Кинжал вражеского посла

прошил живот, а он не умер! Если бы в тот миг он не отшатнулся, лезвие вошло бы прямо в сердце. А с пробитым сердцем даже Хуа То не помог бы...

Он попытался сесть, но, едва приподняв голову, почувствовал, что его правую руку сжимает маленькая прохладная ладошка. Цзи Линьчэнь нахмурился и, прислонившись к спинке кровати, увидел Цзи Ичэня, который спал, примостившись у края постели. Линьчэнь замер: неужели этот мальчишка дежурил здесь всю ночь?

Изящное личико выглядело покорным и милым, но брови были сдвинуты в болезненную складку, словно во сне его мучила неразрешимая печаль.

Длинные густые ресницы слегка подрагивали, будто он видел кошмар.

Цзи Линьчэнь высвободил руку из ладони Ичэня и нежно коснулся его волос, провел пальцами по бровям, по кончику носа и остановился на нежных губах.

Цзи Ичэнь, который только-только провалился в сон от усталости, видел кошмар: огромный уродливый осьминог опутал его своими щупальцами. Ичэнь знал, что спит, и злился — он ведь так любит кальмаров! Раз уж свежий осьминог сам лезет в рот, то грех не воспользоваться... Ам! Он вцепился зубами со всей силы!

— А-а...

Боль пронзила мозг Цзи Линьчэня, мгновенно развеяв всю нежность. Пока Ичэнь не проснулся, он поспешно спрятал укушенную руку под одеяло.

Однако от резкого движения Ичэнь проснулся. Он затуманенным взглядом посмотрел на сидящего Линьчэня и тут же выпрямился:

— Цзи... Цзи Линьчэнь, ты очнулся?!

Линьчэнь улыбнулся и тихо промычал в ответ, хотя губы дернулись от боли — палец все еще ныл. Мальчишка, ну и хватка!

Цзи Ичэнь, обеспокоенный состоянием Линьчэня, не заметил неладного и засыпал его вопросами:

— Где болит? Хочешь есть? Принести тебе каши?

Слушая этот пулеметный огонь вопросов, Линьчэнь улыбнулся еще шире. Видя, как сильно этот малый за него переживает, он решил простить ему укус, но так просто отпускать его не собирался. Он слегка кашлянул и, вскинув свое мужественное лицо, хрипло прошептал:

— Кхм, мне плохо. Мне нужно, чтобы маленький Ичэнь поцеловал меня, тогда станет легче.

Услышав такие бесстыдные слова от человека, который три дня был в коме, Ичэнь, обычно равнодушный к любовным признаниям, густо покраснел. Он вскочил, опустил голову и, пробормотав что-то вроде «я схожу за врачом», пулей вылетел из комнаты.

Цзи Линьчэнь весело вытащил руку из-под одеяла. На указательном пальце красовался глубокий отпечаток зубов, особенно отчетливо виднелся след от маленького клыка. Он не знал, плакать ему или смеяться.

— Хозяин, вы что, уже влюбились в Цзи Линьчэня?

Голос системы Сяо Лю прозвучал в голове Ичэня. Тот вздрогнул, и каша капнула ему на ладонь, но он не издал ни звука, лишь уставился на дымящуюся миску.

— Сяо Лю, ты знаешь, о чем я думал, когда врач сказал, что Линьчэнь может никогда не проснуться? Я думал, что если он не очнется, я проведу в этом мире всю жизнь, дожидаясь его. Знаешь почему? Потому что я не хочу умирать. Так что больше не спрашивай меня о чувствах. Это ты дал мне задание соблазнить Цзи Линьчэня, и к симпатии это не имеет никакого отношения.

Высказавшись системе, Ичэнь, почувствовав, что миска обжигает руки, поспешил отнести ее в спальню.

Однако, войдя, он обнаружил, что комната полна людей: Цзи Яньчжи, Линь Хуай, Цзи Фэн, Лян Юн и Шэнь Цзяо. Глаза Шэнь Цзяо покраснели — она явно плакала, но крепко сжимала губы, подавляя горе.

Система сообщила, что по сюжету именно Шэнь Цзяо должна была отправиться на встречу с посланцем и погибнуть, но из-за совета Ичэня она осталась в лагере, а вместо нее поехал ее брат Шэнь Чжичэнь, который и стал жертвой, отдав жизнь за сестру.

Ичэнь усмехнулся про себя: злодеи получают по заслугам! Шэнь Чжичэнь был жесток и не думал о сестре, а теперь сам погиб из-за нее — так ему и надо!

Ичэнь молча сел на свой табурет и спросил, не хочет ли Линьчэнь поесть. В ответ Линьчэнь произнес всего два слова, от которых лица всех присутствующих, кроме врача, вытянулись:

— Покорми меня.

Слушая низкий хриплый голос, Ичэнь согнул глаза-фениксы, зачерпнул ложку каши, подул на нее и, поднеся к губам Линьчэня, как ребенка, проворковал:

— А-а, открывай рот!

Как только Линьчэнь проглотил ложку, в голове Ичэня прозвучали два сигнала:

— Дзынь, поздравляю, очки борьбы с отбросами выросли до 70.

— Дзынь, поздравляю, симпатия Цзи Линьчэня выросла до 90.

Улыбка Ичэня стала еще заметнее.

— Кхм, раз уж с тобой все в порядке, брат, я пойду. Тренировки новобранцев уже начались, —

сказал Цзи Яньчжи, сжимая кулаки.

Получив разрешение, он вышел. Вслед за ним ушли Линь Хуай, сославшись на раненых, и Цзи Фэн, который якобы пошел готовить диетическое питание. В комнате остались лишь Линьчэнь, врач, Ичэнь и Шэнь Цзяо.

Врач дал последние наставления и тоже удалился.

Когда Линьчэнь съел полмиски, Шэнь Цзяо всхлипнула:

— Генерал, прошу, позвольте мне вернуться, чтобы похоронить брата...

Ичэнь поднес ложку к губам Линьчэня, но тот слегка отвел голову. Ичэнь понял, что он больше не хочет, поставил миску на тумбочку, и в этот момент раздался низкий голос Линьчэня:

— Хорошо, возвращайся. Фронт — не место для женщин. Не волнуйся, я всегда считал тебя родной сестрой. Я отомщу за твою семью.

Шэнь Цзяо разрыдалась, кивнула и, спотыкаясь, вышла.

Ичэнь стоял у кровати и тихо произнес:

— А Шэнь Цзяо довольно сильная...

Линьчэнь усмехнулся:

— Жаль только, что ее брат был предателем!

Ичэнь вздрогнул. Неужели Шэнь Чжичэнь погиб не от рук вражеских наемников, а по приказу Линьчэня?

Пока он стоял в оцепенении, Линьчэнь обвинил его за талию, вскинул лицо и с хулиганской ухмылкой прошептал:

— Я еще не наелся, но в этот раз ложка не понадобится...

Когда Цзи Ичэнь вышел из спальни, его ждали. И это был человек, которого он меньше всего ожидал увидеть — Цзи Яньчжи.

Лицо Яньчжи больше не было бледным, оно сияло здоровьем. Ичэнь прищурился: похоже, в прошлый раз он действовал слишком мягко.

Яньчжи подошел к нему и, прижав к стене у двери спальни, нагло уперся рукой рядом с его головой, загоняя в ловушку.

Он думал, что Ичэнь будет очарован его властным видом, но Ичэнь лишь поморщился и прикрыл нос. От Яньчжи исходил такой резкий запах пота, что его чуть не стошнило!

Если бы Яньчжи знал, что думает Ичэнь, он бы провалился сквозь землю. Он, второй молодой господин клана Цзи, всегда так следил за собой! Но в армии, где все мылись в общих банях, он брезговал и не мылся уже несколько дней...

Ичэнь не выдержал. Он резко вскинул колено, но Яньчжи, ожидавший этого, зажал его ногу между своих. Он злорадно усмехнулся, и в лицо Ичэню дохнуло зловонием — Яньчжи тоже не чистил зубы несколько дней.

Яньчжи хихикнул, собираясь сказать что-то вроде «посмотрим, на что ты еще способен», но не успел — Ичэнь отвесил ему звонкую пощечину!

— Хлоп!

Звук эхом разнесся по коридору. Пока ошарашенный Яньчжи переваривал удар, из спальни раздался голос Линьчэня:

— Кто там?

Яньчжи замер. Он уже понял, что его брат — человек железных принципов, а Ичэнь — его любимчик.

Ичэнь, не теряя времени, влепил вторую пощечину!

— Хлоп!

Щеки Яньчжи мгновенно распухли. Ичэнь громко ответил Линьчэню:

— Ничего! Просто назойливая муха жужжит, ужасно раздражает, я вот прихлопнул!

Яньчжи был в ярости! Сравнить его с мухой! Он занес руку для удара, но Ичэнь холодно прошептал:

— Цзи Яньчжи, ты решил устроить скандал прямо на глазах у брата? Давай! Ударь меня, и я тут же пойду к Линьчэню и расскажу всё как есть! Посмотрим, удержишься ли ты в этой армии!

Яньчжи замер. Ичэнь, брезгливо оттолкнув его, быстро зашагал прочь. Яньчжи остался стоять, дрожа от бессильной ярости.

«Хорошо, Цзи Ичэнь, ты еще пожалеешь! Я дожусь того дня, когда ты будешь молить меня о пощаде!»

Ичэнь, конечно, не знал о мыслях Яньчжи. Его желудок скрутило, он нашел укромный уголок и его вырвало. Но даже после этого запах пота Яньчжи, казалось, навечно въелся ему в ноздри...